

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В РОССИИ

Александр Александрович Волков

доктор филологических наук
профессор кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
volkovalexander@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы теории и истории преподавания филологических дисциплин в России в связи с развитием теории языка и культурной политики государства. Предлагается обоснование преподавания риторики как средства развития культуры мышления и противостояния манипулятивной практике средств массовой коммуникации.

Ключевые слова: филология, образование, риторика, литература, русский язык, культура, массовая коммуникация.

Организация, содержание и объём преподавания русского языка и словесности в общеобразовательной школе – ключевое звено не только системы образования в России, но и политического мировоззрения общества.

Под культурой следует понимать сложившуюся в ходе исторического развития общества систему идей (духовная культура), материальных объектов (материальная культура), кондиций человеческого организма (физическая культура), сохраняемую в качестве опыта – прецедентов и образцов (ἔργον), организующих и систематизирующих деятельность (ἐνέργεια) общества¹. Основой культуры являются литературный язык и словесность, поскольку объекты культуры могут быть обозначены, описаны, классифицированы и оценены и, стало быть, использованы только посредством языка.

Образование, включающее в качестве взаимосвязанных компонентов *воспитание и обучение*, является средостением культуры и деятельности, строится на основе языка и представляет собой прогностическую модель, определяющую возможности и ход развития общества. Идея патриотизма, характерная для политического мировоззрения общества, ориентирована на культуру в полном её составе и поэтому представляется определяющей для планирования и организации системы образования.

Поэтому организация системы общего образования предполагает отбор фактов культуры, ориентированный на прогноз деятельности общества, а содержание идеи патриотизма в конкретных исторических условиях связано с чётким определением целей, характера и задач развития общества.

В систему словесности входят:

- 1) устная речь в составе диалога, молвы и фольклора, норма которой организуется фольклорными правилами, задающими этику речевых отношений в виде пословиц, поговорок и загадок, структурой волшебной сказки и мифа;
- 2) письменная (рукописная) речь, включающая произведения устно-письменной речи – ораторской прозы (показательной, судебной, совещательной), поэзии (эпоса, лирики, драмы), философии, историографии, деловой прозы (документа), эпистолографии;

1 Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение. М., 1996. С. 11–15.

- 3) печатная речь в составе религиозной, философской, научной прозы, журналистики, художественной литературы;
- 4) массовая коммуникация в составе газеты, радио, телевидения, Интернета.

Перечисленные виды словесности сложились в различные исторические эпохи, но с возникновением новых видов словесности ранее сложившиеся сохраняются, хотя и изменяются в ходе перестройки системы в целом.

Терминологии и модели построения высказываний науки, искусства, техники, измерений, команд (сигналов и ориентиров), систем мер, философии и богословия, политики и права входят в систему общелитературного языка. Через слова-понятия и модели построения высказываний задаются приёмы мышления и выражения мысли, обеспечивающие освоение предметных областей знания. Поэтому изучение всех без исключения предметов школьной программы представляет собой изучение и освоение ресурсов русского языка.

Система образования задаётся *философией языка*, определяющей возможности и конкретное направление развития общества. Все классические философские системы, начиная с платонизма, являются педагогическими, поскольку толкуют о формировании личности человека².

Построение системы образования включает:

- 1) историко-культурную составляющую, то есть *отбор* материала культуры, включаемого в систему воспитания и обучения;
- 2) прогностическую составляющую: определение потребностей общества, выражаемых в формировании нового исторического *стиля* в духовно-нравственном, интеллектуальном и эстетическом аспектах как образа деятельности в условиях современного состояния и перспектив развития информационной среды;
- 3) дидактическую составляющую: принципы, уровень и объём *ассимиляции* культуры новыми поколениями.

Современные проблемы реформирования российского общего образования непосредственно вытекают из его особенностей и истории.

Российская школа как институция сложилась поздно: с первых десятилетий XVII века – от создания первых риторик и грамматик³ – до условной даты 5 ноября 1804 года – опубликования «Устава

2 Рожественский Ю. В. Философия языка и учебный предмет. Культуроведение и дидактика. М., 2017. С. 12–34.

3 Аннушкин В. А. История русской риторики. Хрестоматия: учебное пособие. М., 2002.

университетов» и «Устава учебных заведений подведомых университетам». Но и в течение всего XIX века, и вплоть до 1916 года происходили более или менее существенные изменения в организации учебных заведений и в составе учебного предмета. Впрочем, подобные реформы происходили и в странах Европы – Франции и Германии, где школа как институция существовала уже многие столетия.

После подавления декабрьского путча 1825 года – ликвидации политического доминирования офицерского состава гвардейских полков, совершившего, по крайней мере, два царевубийства, государственная власть приступает к формированию гражданского правового общества⁴.

Реформа гимназии 1828 года делает гимназическое и университетское образование строго сословным. Граф С. С. Уваров, министр народного просвещения, в циркулярном письме о вступлении в должность (1833) формулирует принцип государственной идеологии: «Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединённом духе православия, самодержавия и народности». Задача гимназии как основной формы образования состояла в подготовке учащихся к учёной и административной деятельности: страна остро нуждалась в компетентных гражданских чиновниках, юристах, дипломатах, учёных, гимназических и университетских преподавателях.

Учебные планы гимназий в 1849 году включали Закон Божий, русский и церковнославянский как единый литературный язык, риторику, математику, географию, немецкий язык, французский язык, латинский язык, в некоторых гимназиях греческий язык, чистописание, черчение и рисование, физику и математическую географию, всеобщую и русскую историю⁵.

По данным учебников этого времени⁶, словесность определяется как «наука, объёмлющая полное знание одного или многих языков, и все письменные произведения, и писателей»⁷. В состав словесности входят поэзия и проза. Поэзия, по не лишённой основания мысли Н. Ф. Кошанского, есть «юность словесности, а ораторское красноречие, особенно изящная проза, – зрелый её возраст»⁸. Поэзия есть дар, «искусство оживлять вымысл гармониею слова. Она всегда составляет

4 Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Ячменев Ю. В. Константин Алексеевич Неволин (1806–1855) // Неволин К. А. Энциклопедия законовведения. История философии законодательства. СПб, 1997. С. 3–22.

5 Христофорова Н. В. Российские гимназии XVIII–XX веков. М., 2002.

6 Кошанский Н. Ф. Риторика. М., 2013.

7 Там же. С. 143.

8 Там же. С. 144.

первую и младшую отрасль словесности. <...> Изящная проза – больше искусство, нежели дар. Искусство силою образованного ума и даром опытного слова действовать на разум, волю и страсти людей. <...> Проза составляет вторую важнейшую и полезнейшую отрасль словесности»⁹.

В состав учебного предмета словесности наряду с грамматикой, поэзией входили деловая проза, философская проза в виде диалогов, повествовательная проза (в основном историческая), ораторское искусство, научная литература, духовная литература, изучавшаяся в курсе Закона Божия:

- 1) *переписка*: письма «по предметам общежития: к низшим, равным, высшим», «к державным особам и дипломатические», «литературные письма и роды их»;
- 2) *документ*: «деловые бумаги»;
- 3) *диалог*: философский диалог: «разговоры в царстве мёртвых» и другие формы диалектического и литературного диалога;
- 4) *повествовательная литература*: характеры, некрологи, анекдоты, летописи и жизнеописания, повести и романы, история «и отрасли её»;
- 5) *ораторское искусство*: судебное, совещательное, показательное;
- 6) *научная литература*: «систематические учёные сочинения», то есть произведения монографического характера, «отдельные учёные сочинения» – рассуждения, диссертации, мнения, голоса (выражения несогласия одним лицом), энциклопедии, записки академий, акты университетов, труды обществ;
- 7) *публицистика*: периодические издания, то есть журналистика, в частности критика.

Грамматика, представленная в начале XIX века по большей части как философская универсальная грамматика (преподавалось, в частности, пособие Л.-Г. Якоба «Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской Империи»), с 20-х годов постепенно становится *русской* грамматикой. В 1849 году вышел в свет «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской» Ф. И. Буслаева, переиздававшийся вплоть до начала XX века¹⁰, хотя использовались и другие

9 Там же. С. 145.

10 Буслаев Ф. Учебник русской грамматики, сближенной с церковно-славянской, с приложением образцов грамматического разбора. Для средних учебных заведений. М., 1907. Изд. 10-е, исправленное и дополненное; *Виноградов В. В.* О художественной прозе. (1930)// Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 118.

грамматические руководства. Учебник Ф. И. Буслаева представляет собой сопоставительную русско-церковнославянскую грамматику, дополненную старославянскими текстами с грамматическим и лексическим комментарием.

Эта система учебного предмета словесности с точки зрения культуры языка была полной, поскольку в ней представлены три базовых компонента филологии: общие нормы литературного языка (русского и церковнославянского) – грамматика, нормы анализа произведения слова – теория словесности, нормы построения публичной речи – риторика.

В 60-е годы XIX века, после реформ Александра II, начинает складываться более или менее образованное сообщество читателей романов и толстых литературных журналов, которое обозначает себя как интеллигенция¹¹.

Интеллигенция формировалась в основном выходцами из дворянства и духовного сословия, отошедшими от семейных традиций и обратившимися к «свободным» профессиям. Не удивительно, что большинство из них оказались в лучшем случае индифферентными к религии и Православной Церкви.

Идеологию интеллигенции можно без натяжки назвать народнической¹²; именно она породила народовольцев, а впоследствии социал-революционеров, повлияла на формирование русского анархизма бакунинского и кропоткинских направлений и, в меньшей степени, на формирование русской социал-демократии: «Образ русского пропагандиста в своих истоках предполагает бескорыстие (почти монашеское), материалистическое мировоззрение, товарищество в тайном обществе, борьбу за народное благо, нередко обоснованное из Священного Писания. Образ пропагандиста предполагает также жертвенность, склонность принести во благо другим (народу в целом, особенно) свою жизнь и свои труды. Русский пропагандист настроен всегда противоправительственно и агитирует за свободу от данного правительства. Он всегда против государственной идеологии и критикует тексты, в которых она отражается. Этот образ был действителен не только до 1917 года и в традициях ленинской гвардии, но и продолжал действовать у идеологов диссидентского движения (в лице Максимова, Зиновьева, Лимонова и др.). Ещё одной характерной чертой образа русского пропагандиста является его связь с художественной

11 *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999. С. 227.

12 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 31–47.

литературой, имеющей для него силу примеров, которую он черпает из художественного вымысла»¹³.

Таким образом, из триады Уварова были устранены православие и самодержавие (в конечном счёте, государственный суверенитет страны), и осталась одна народность в специфическом понимании термина, поскольку под «народом» понималось в основном русское крестьянство.

Этатизм Александровской и Николаевской эпохи как государственная идеология сменился банальным национализмом – великорусским, а следовательно, украинским, польским, грузинским, финским, армянским и т. д., с вытекавшими отсюда последствиями в виде развала Российской империи в 1917 году.

Философия языка, основанная на идеях народничества, складывается во второй половине XIX века в работах харьковского профессора А. А. Потебни. В кратком представлении основы философии языка в изображении А. А. Потебни состоят в следующем.

В решительных выражениях А. А. Потебня отвергает саму идею божественного происхождения языка как «несообразную» и «несогласную с чистотой религиозных верований»¹⁴ (!) и настаивает на эволюционном происхождении и развитии языка, его совершенствовании в ходе коллективной речевой деятельности народа.

Вслед за В. фон Гумбольдтом, А. А. Потебня признает, что «язык есть столько же деятельность, сколько и произведение» и «орган, образующий мысль», поэтому «язык – это средство не столько выразить уже готовую истину, сколько открывать прежде неизвестную – по отношению к познающему лицу есть нечто объективное, по отношению к познаемому миру – субъективное»¹⁵. Иными словами, народный, дописьменный язык создаёт своеобразную картину мира, присущую «народу», но объективную реальность как таковую не отображает. Каждое слово было кем-то когда-то изобретено и представляет собой мысль, которая обнаруживается во *внутренней форме*.

Внутренняя форма слова представляет собой отношение способа создания слова к его значению и является в основном тропом. Например, слово «тряпка» связывается с глаголом «трепать»: образ *трепания, тряски, расстрёпанного, подвижного, трепета* в отношении к обозначаемому предмету и создаёт внутреннюю форму слова, которая

13 *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М., 2015. С. 156.

14 *Потебня А. А.* Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 41.

15 Там же. С. 59.

объединяет его с другими словами закономерно сходного звучания и значения.

Слово поэтому представляет собой минимальное поэтическое произведение. Поэзия есть языковое выражение образного мышления, народный язык поэтичен в своей основе: «Слово только потому есть орган мысли и неперемное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя, что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения»¹⁶. Следовательно, мысль, «понимание мира» сводится к «идеалу», «символу», художественному вымыслу.

Словесность рассматривается А. А. Потебнёй в категориях внутренней и внешней формы и соответственно поэзии и прозы:

«Символизм языка, по-видимому, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова»¹⁷.

А. А. Потебня усматривает живое слово, обладающее внутренней формой, в фольклоре и художественной литературе. Слово в прозе – условный знак, внутреннюю форму утративший и сохраняющий только внешнюю форму. Поэтому богословие, философия, наука, деловая речь – деградация языка. На этих представлениях и основано разделение словесности на поэзию – «художественную» литературу, и прозу – «нехудожественную» литературу.

Поскольку же языковое творчество имеет, по А. А. Потебне, эстетическую природу, то к этой «творческой сфере» языка относятся народная поэзия, «народная религия», художественная литература. «Народная религия» понимается как миф, основанный на перенесении образа из непосредственно-чувственной сферы в абстрактную и обратно: «Земной огонь, земные коровы послужили ответом на вопросы, что такое огонь небесный, что такое туча. Лишь затем возник вопрос: что же такое земной огонь? что такое земная корова? Ответ: земной огонь есть тот же огонь небесный, исшедший на землю; земная корова есть таинственное воплощение небесной и потому известными своими действиями может указывать на деяния первой»¹⁸. Народ же предстаёт как языковое сообщество и некий коллективный субъект, этническое самосознание которого творит язык и культуру.

16 Там же. С. 196.

17 Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 22.

18 Потебня А. А. Из записок по теории словесности. С. 448.

По мысли А. А. Потебни, филология представляет собой единство языковедения, фольклористики и литературоведения. Соответственно, учебный предмет общеобразовательной школы – *язык и художественная литература* по мере их «народности». Проза, то есть использование языка в письменной форме в области богословия, философии, науки, принципиально выводится за рамки предмета филологии и не подлежит изучению в школе.

Состав предреволюционного (изд. 1917 г.) гимназического предмета словесности по учебникам В. Ф. Саводника «Краткий курс истории русской словесности с древнейших времён до конца XVIII века»¹⁹ и «Очерки по истории русской литературы XIX века» выглядит следующим образом.

Первый раздел: «Общее понятие о языке и народной поэзии».

На уровне науки второй половины XIX века рассматриваются соотношения языка и культуры, типологическая и сравнительно-историческая классификация языков, возникновение и историческое развитие устной словесности. Даются характеристики образности и метафоричности «первобытного» языка» и «миросозерцания первобытных народов». Рассматривается образность «первобытного» языка, метафоричность, особенности мифологии в представлениях времени: отношения языка и мифа, происхождение «первобытной поэзии». Даются характеристики ритма, песни-игры, хорового начала поэзии и её синкретичности. Рассматривается происхождение эпоса, характер исполнителей эпоса и эпической традиции, выработка эпического стиля и его особенности: повторения, ретардация, постоянные эпитеты. Далее рассматриваются особенности народной лирики и её содержание в связи с обрядом; выделение драмы и её связь с религиозным культом. Сообщаются сведения о научном изучении народной поэзии: мифологической школе, теории заимствования, теории самозарождения, исторической поэтике. Рассматривается соотношение устной и книжной поэзии, происхождение письменности и понятие литературы.

В главе о русской народной (устной) поэзии рассказывается о состоянии народного поэтического творчества XIX – начала XX в. и его изучении фольклористами. Кратко рассматриваются народные верования и обряды, языческие божества славян, даются понятия зооморфизма и антропоморфизма, классификация обрядов: календарные обряды –

19 Саводник В. Ф. Очерки истории русской литературы XIX века. 9-е изд. М., 1915. Ч. 1.; Саводник В. Ф. Краткий курс истории русской словесности с древнейших времен до конца XVIII века. 5-е изд., М., 1917.

святки и колядки, весенние праздники, семик и Троица, Красная горка, Навий день, Пасха, Фомина неделя, свадебный обряд, купальские обряды, жатвенные обряды, бытовые и свадебные обряды, например венчание, похоронные обряды – вопленицы и плачи, где «душа удаляется «за тёмные леса, за высокие горы». Особенно рассматриваются заклинания и заговоры и «ложные молитвы».

Далее представляются фольклорные жанры: загадки, сказки, пословицы, былины. При этом отмечено византийское происхождение ряда сказок и былин с явным намёком на агиографию и Священное Писание. Затем рассматривается скоморошество в его развитии и упадке и повествуется о русских сказителях XIX века и стиле былинного повествования. Подробно излагаются основные былинные циклы. Столь же подробно рассматриваются исторические песни, их строение, стихотворные размеры, наряду с духовными стихами, ветхозаветными, новозаветными, житийными, святочными, отшельническими, покаянными, аскетическими, разбойничьими, казацкими, солдатскими песнями с их поэтикой, а также «народные романсы». Представлена также и народная драма: «Барин и приказчик» и другие.

Русская литература киевского периода представлена следующими темами. Условия развития древнерусской письменности. Возникновение письменности; переводная литература: влияние Византии, византийская культура; деятельность свв. Кирилла и Мефодия; Св. Писание; Псалтирь; богослужебные книги; проповеди и жития святых; творения отцов Церкви; сборники изречений; апокрифы, их происхождение и *достоверный характер*; разделение апокрифов: ветхозаветные, сказание о Древе крестном, сказания о Соломоне, суды Соломона, новозаветные апокрифы, «Хождение Богородицы по мукам», апокрифические жития; повести: «Александрия», «Девгениево деяние»; «Остромирово Евангелие», «Изборник» Святослава; виды древнего письма (устав, полуустав, скоропись, материалы письма, украшения рукописи, внешний вид древнерусских книг и книжное дело).

Во втором разделе «Подражательная и оригинальная литература домонгольского периода» представлены следующие темы.

Византийская проповедь; «Поучение» Луки Жидяты, проповеди св. Феодосия Печерского, митрополит Илларион: «Слово о законе и благодати»; св. Кирилл Туровский (также несколько подразделов о различных творениях с кратким стилистическим разбором); О значении монастырей; Киево-Печерский патерик; житие преп. Феодосия Печерского; житие свв. Бориса и Глеба; «Хождение» игумена Даниила

(с достаточно подробным разбором); «Поучение» Владимира Мономаха (с подробным разъяснением по темам); «Слово о полку Игореве» (с подробным изложением, объяснением языка и художественных особенностей, исторического контекста, отношения к летописным источникам, сопоставление со старофранцузским эпосом).

Литература монгольского периода представлена Сказаниями о Меркурии Смоленском, о княгине Евпраксии Рязанской, «Задонщиной», житием преп. Сергия Радонежского.

В третьем разделе «Литература Московского периода» преподавались следующие темы: возвышение Москвы, Флорентийская уния и падение Константинополя. Далее следуют «Повесть о Царьграде», любопытная главка «Москва как преемница Византии» с кратким разбором «Послания» старца Филофея, «Сказание о Псковском взятии», сообщение о ереси жидовствующих и образовательная деятельность архиепископа Геннадия, «Просветитель» преп. Иосифа Волоцкого, преп. Нил Сорский и волжские старцы и краткий разбор учения преп. Нила Сорского. Наконец, литература XVI века завершается перепиской Ивана Грозного с Курбским, а в разборе литературы XVII века представлен главным образом протопоп Аввакум.

Литература XVIII–XIX веков представлена следующими темами по главам. Сентиментализм и романтизм в западноевропейской литературе. Сентиментализм и романтизм в русской литературе (Карамзин. Жуковский).

Развитие национальных элементов в литературе и зарождение реалистического направления (Крылов, Грибоедов, Нарезный).

Пушкин. Биография. Произведения эпические («Руслан и Людмила», байронические поэмы, «Евгений Онегин», «Полтава» и «Медный всадник», прозаические произведения, мелкие произведения эпического характера). Драматические произведения («Борис Годунов», драматические сцены («Маленькие трагедии»). Лирика.

Главнейшие русские поэты первой половины XIX века. Лермонтов: «Демон», «Мцыри», «Песнь про купца Калашникова», «Герой нашего времени», лирика.

Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба», «Петербургские повести», театральные пьесы, «Ревизор», «Мёртвые души».

Умственные течения в России в первой половине XIX века.

Русская литературная критика в первой половине XIX века: Мерзляков, Полевой, Надеждин, Белинский, Апол. Григорьев.

Вторая половина XIX века представлена более подробно: С. Т. Аксаков, Д. В. Григорович, И. С. Тургенев (очень подробно), И. А. Гончаров (в основном «Обломов»), А. Н. Островский («Гроза» занимает три страницы, а «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» – десять страниц объяснительного текста [!]). Л. Н. Толстой («Детство. Отрочество. Юность», «Севастопольские рассказы», «Казачьи», «Война и мир»), Ф. М. Достоевский («Бедные люди», «Записки из Мёртвого дома», «Преступление и наказание»), русские поэты: Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, А. К. Толстой, Н. А. Некрасов.

Следует отметить, что учебник В. Ф. Саводника, рекомендованный Министерством народного просвещения в качестве руководства для старших классов средних учебных заведений, был образцовым учебником на уровне науки своего времени, прекрасно написанным и совершенным в дидактическом отношении. Правда, в средней школе использовались и другие учебники, не столь удачные и не столь полные, и в этом смысле идея единого учебника представляется вполне здоровой и разумной.

Список тем, авторов и произведений наводит на размышления о смысле, задачах и объёме материала литературы, который осваивался в школе.

Первая проблема – дидактическая: соотношение объёма изучаемой литературы и интерпретирующего материала в виде учебников, хрестоматий и других пособий.

Действительно, при относительно ограниченном объёме авторов объём интерпретирующих материалов в виде учебников и хрестоматий в гимназической программе занимает очень большое место: только «сокращённая» хрестоматия последнего раздела гимназической программы²⁰ занимает 702 страницы крупного формата, не считая дополнительных пособий типа «Истории западноевропейской литературы» И. И. Гливенко.

Вторая проблема – отбор авторов и, главное, произведений.

Показателен пример выбора произведений А. Н. Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и «Гроза»: какая художественная проблема предлагается учащимся – ответственности перед Богом за судьбу страны или права замужней женщины на «свободную любовь»?

Третья проблема – состав литературы как учебного предмета: продолжением какой литературы предстаёт русская литература

20 Покровский В. И. Сокращённая историческая хрестоматия: пособие для учеников старших классов среднеучебных заведений. 2-е изд., доп. М., 1911.

XVIII–XIX веков (а для нас и современная литература XX–XXI веков) – древнерусской или западноевропейской?

Если в современной программе объём читаемых школьником переводов западной литературы, в оригинале преимущественно англоязычной, больше объёма чтения русской литературы, а древнерусская представлена только «Словом о полку Игореве», то всё очевидно. В гимназической программе начала XX века эта преимуществом представлена явно, в частности тематикой изучаемых произведений.

Если, скажем, А. К. Толстой представлен «Иоанном Дамаскином», да ещё с комментарием о «платоновских идеях» в сопоставлении с К. С. Аксаковым, стихотворениями «Спесь», «Правда», «Не Божьим громом горе ударило», хотя бы упоминанием о значении и литературных достоинствах трилогии; если А. С. Пушкин представлен «Русланом и Людмилой», также с подробным разбором отношения сказочного сюжета поэмы к народной сказке, и если в разделе программы о древнерусской литературе представлены художественные её особенности в сопоставлениях с современной для учащегося литературой, то всё ясно, в том числе и что такое «народность» литературы.

Но если «Вишнёвый сад» предлагается для чтения в одном ряду с «Домом, где разбиваются сердца» Б. Шоу (как в современной программе), то, собственно, в чём художественное и содержательное своеобразие русской литературы?

Четвёртая проблема – свобода учителя.

Восторженная реакция гимназиста²¹ на разрешение учителя не читать про Византию и духовную литературу заслуживает внимания.

Свобода выбора дидактического материала приводит к разрушению предмета преподавания: литература предстаёт как неупорядоченное и произвольное чтение того, что интересно, занятно, привлекательно, «комфортно», не требует напряжения ума, воли, нравственного чувства. Следовательно, литературу, как предмет развлекательный, вообще можно не преподавать.

К Октябрьской революции преподавание словесности в школе пришло с очень значительными достижениями, которыми школа обязана в первую очередь развитию филологии: научным описанием

21 В моём экземпляре учебника эти разделы с нажимом перечёркнуты карандашом, а на полях написано «можно не читать». То ли учитель начитался Чаадаева с его “*misérable Bizance*”, то ли П. В. Безобразова, занимавшегося византистикой, кажется, лишь из ненависти к Византии, но свобода учителя в выборе материала преподавания литературы в дореволюционной гимназии была значительной.

корпуса древнерусской литературы, тщательным исследованием исторической поэтики, истории русского языка, литературного процесса XVIII–XIX веков, в определённой мере творческой работе литературной критики. Литература стала предметом достоверного научного знания, и эти достоверность и основательность, собственно, и сделали художественную литературу главным источником формирования нормы русского литературного языка, с одной стороны, и культурно-исторического самосознания русского интеллигента – с другой.

Преподавание словесности в дореформенный период в силу государственнического мировоззрения и вытекавшего из него принципа «православия, самодержавия, народности» было патриотическим и в известном смысле полно представляло предмет словесности, так как обучало не только образному, но и понятийному мышлению. Но сословность средней и высшей школы компрометировала систему образования.

Известная, хотя и постепенная, демократизация образования вслед за демократизацией образованной среды привела к фактическому разрушению смысловой связи духовно-религиозной и научно-предметной составляющих образования.

Этот разрыв вылился в противопоставление Закона Божьего другим образовательным предметам, в частности словесности, которая утратила прозаическую, то есть богословскую, философскую, деловую, публицистическую компоненты, сохранив лишь литературу художественного вымысла, что привело к недостаточной способности русского интеллигента трезво оценивать высказывания политиков, адвокатов, журналистов и к политической мечтательности.

Пережитки сословности и запаздывание программы всеобщего образования привели к конфликту общенациональной задачи модернизации страны и уровня образованности общества.

Октябрьская революция принесла в систему образования существенные изменения, в особенности в преподавание гуманитарных предметов. Идеи этих изменений не были внезапными: по большей части они были сформулированы и разработаны в конце XIX – начале XX века, то есть до Октябрьской революции. Наиболее значимыми для понимания предмета языка и словесности и преподавания их в школе представляются следующие.

1. *Марксизм-ленинизм* в его различных вариациях представлял собой гуманистическое футуристическое учение о мировой революции и всемирном переходе к новой общественно-экономической формации.

Важной особенностью мировоззрения именно этого периода было представление об универсальности классового сознания и мирового исторического процесса, но также об исторической необходимости мировой революции, быстрого перехода к коммунизму и об упрощении строения общества при социализме в условиях его быстрого развития, в частности о простоте управления народным хозяйством.

Философия языка 20-х годов содержит все особенности марксизма-ленинизма как идеологической конструкции: априорный эволюционизм, свободно оперирующий с научными данными; исторический редукционизм, сводящий общество к экономическому базису и идеологической надстройке; пренебрежение фактическим материалом, несовместимым с выдвигаемой концепцией; неопределённость понятий.

2. *Массовая коммуникация.* Основателем советской системы массовой информации, то есть газеты, радио, кинопродукции, был В. И. Ленин.

С технической точки зрения массовая информация представляет собой конвейерное производство текста. Авторство текста (выпуска) является коллегиальным. Текст массовой информации характеризуется периодичностью, он разнороден в тематическом и жанровом отношении, но объединяется постоянным рубрикаторм издания и системой ключевых слов, задающих идеологию – “символическим зонтиком” (сто – сто пятьдесят единиц: например, *демократия, свобода слова, права человека* и т. п.). Аудитория массовой информации рассредоточена и ограничена только языком, поэтому уровень сложности текста ограничивается массовым реципиентом с минимальными образованием и аналитическими способностями (правило «*равнения вниз*»).

Советская массовая информация характеризуется:

- иерархией массовой газетной продукции, радиовещания, а позже и телевидения с функциональным разделением на каждом уровне иерархии («Правда», «Известия», «Гудок», «Комсомольская правда» и т. д.);
- воспроизведением этого функционального разделения на каждом низшем уровне иерархии с дублированием на местах по языкам народов СССР;
- единством организации коллектива в каждом источнике массовой информации;
- единым центром управления всей системой;

- дополнением массовой информации системой устной лекционной пропаганды и агитации в трудовых коллективах, для которой создавались специальные программы и курсы подготовки.

Массовая информация представляет собой особую фактуру языка наряду с устной, рукописной, печатной речью, сложение которых определяет соответствующие этапы развития цивилизации. В отличие от исторически предшествующих фактур языка, массовая информация не является культурой, так как выпуски газет, телевизионные программы и т. п. рассчитаны на одноразовое использование и не сохраняются как доступные рецепиенту произведения словесности.

Система советской массовой информации была ориентирована на организацию деятельности общества: в первой половине 20-х годов – на мировую революцию, а затем, со второй половины 20-х и в 30-е годы – на построение социализма, индустриализацию, коллективизацию в СССР и на формирование «нового человека», члена социалистического общества.

Дополнение массовой информации системой устной пропаганды и агитации было связано с проекцией общих идеологических установок на деятельность конкретных территориальных, языковых, профессиональных, возрастных, производственных составляющих общества.

Ориентация массовой информации 20-х годов с её идеологией мировой революции на текущую деятельность общества привела к отвержению «буржуазно-дворянской» культуры, своего рода заменителем которой и предстаёт «пролетарская культура», упрощение картины мира, сведение человеческой личности к физиологии, а педагогики – к педологии.

Документооборот. Создателем системы документооборота, в особенности в последующие 30-е годы, был И. В. Сталин. Система документооборота (как и система массовой информации) формировалась и модифицировалась в течение всего советского периода, но утверждение её костяка произошло в 30-е годы, когда документооборот (государственный и партийный) был дублирован, а управление массовой информацией было включено в контур документооборота.

С этим изменением идеологического задания массовой информации и её включением в контур документооборота был связан кризис системы государственного управления в 30-е годы и, во многом, массовые депрессии этого времени.

3. *Ликвидация неграмотности и создание письменностей народов СССР* были первостепенной и неотложной задачей культурного строительства. Как известно, 70% населения страны были неграмотными. Что касается «национальных окраин», то там дело обстояло ещё хуже, чем в центральной России. Без ликвидации неграмотности модернизация страны была немыслимой. Но, кроме того, программа всеобщего образования и ликвидации неграмотности была связана и с мотивами идеологическими: необходимостью распространения массовой информации на всей территории страны. Впрочем, и сама по себе идеология предполагала переход к индустриальному обществу и формирование социалистической цивилизации.

Но языковая ситуация в стране была сложной: многочисленные языки народов СССР по большей части были бесписьменными или, как мордовский, якутский и некоторые другие, не имели литературы. Кроме того, чётких границ между языками, в особенности в Средней Азии, не существовало (их, в сущности, нет и в настоящее время). Диалекты одного языка постепенно переходили в диалекты другого. Литературные языки народов СССР конструировались в основном русскими филологами, а создание письменностей и литератур народов СССР завершилось лишь после Великой Отечественной войны в 50-е годы.

С 20-х годов в проекте ликвидации безграмотности на основе грамматического и лексикологического описания условно выделенных базовых диалектов были сконструированы исходные нормы языков, названных по национальным республикам. Такие литературно-письменные языки, как украинский, были письменными, но ни систематизированного для целей образования корпуса классической литературы, ни литературной нормы не имели.

Первоначально планировался перевод графики всех языков на латиницу. После многолетних дискуссий в 1937 году волевым решением И. В. Сталина²² письменность всех языков народов СССР, кроме армянского и грузинского, стала кириллической, что было связано, в частности, с опасностью политического влияния пантюркизма.

Литература на языках народов СССР, как ранее бесписьменных, так и с незначительным объёмом литературы, формировалась путём подготовки местных кадров писателей в литературных институтах в Москве и Ленинграде, созданием под руководством преподавателей (литературоведов и писателей) художественных произведений,

22 Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. М., 2012. С. 146.

последующим переводом их на русский язык (переводчиками были, например, А. Ахматова, Б. Пастернак, О. Мандельштам, М. Цветаева и др.), а с русского языка – обратно на исходный язык оригинала вторыми изданиями. Так сложилась основа конструирования грамматических, лексических, стилистических норм младописьменных языков, литературоведческой интерпретации и преподавания национальных литератур, и, соответственно, была сформирована национальная творческая интеллигенция (это относится и к науке, и к музыке, и к архитектуре, и к изобразительным искусствам) советских республик.

Так на месте аморфного, разобщённого в культурном отношении агломерата составляющих Российской империи сложился единый евразийский письменно-культурный ареал²³. Фактически был реализован уникальный научный проект, техническая сторона которого была воспроизведением подвига свв. Кирилла и Мефодия: за тридцать лет созданы и организованы в единую систему десятки национальных языков и литератур!

4. *Естественнонаучный материализм и педагогика.* В естественнонаучной сфере значимыми оказались идеи В. М. Бехтерева, сформулированные в работе «Основы рефлексологии человека», а именно отвержение представления И. П. Павлова о специфичности сочетательно-рефлекторной деятельности человека, сведение культуры к рефлекторной деятельности и выдвижение идеи социальных рефлексов и социальной рефлексологии как основы общественной организации, в частности воспитания и обучения.

Организация деятельности социалистического общества, воспитание человеческой особи должны поэтому осуществляться путём целесообразной выработки системы индивидуальных и коллективных условных рефлексов: «Принцип замещения мы имеем всюду в *символических рефлексах* (курсив наш – А. В.). Сами по себе жесты, как и словесные символы, служат к замещению других рефлексов. <...> Равным образом и словесные символы, как знаки, замещают собой описание предметов, действия и состояний. <...> Вместе с тем в культурной жизни народов мы встречаемся с символизмом в виде флагов, семафора, тех или иных видов цветной сигнализации, в государственных регалиях, в орденах, различного рода значках, в форме одежды, в суде и в религии в виде обрядовой их стороны, в изобразительных искусствах, в литературе, особенно в поэзии, и даже в пережитках старины. Словом, везде

23 Волков А. А. Грамматология. М., 1982. С. 24–33.

и всюду мы встречаемся с символикой, наполняющей и проникающей всю нашу жизнь»²⁴.

Основной педагогической концепцией в связи с исследованиями в области нейропсихологии и нейрофизиологии стала педология. В педологической теории, которая выработывалась в Германии, в США, в дореволюционной России и Советском Союзе, существовало множество противоборствовавших концепций. Более того, сама по себе конструкция педологии в СССР принимала марксистское обоснование. Но в основе всех этих построений, тем не менее, лежало сформулированное П. П. Блонским представление педологии как науки:

«Так, основатель советской педологии профессор П. П. Блонский даёт разные трактовки предмета педологии:

- 1) Педология – наука об особенностях детского возраста.
- 2) Педология – наука «о росте, конституции и поведении типичного массового ребёнка в различные эпохи и фазы детства».
- 3) «Педология изучает симптомокомплексы различных эпох, фаз и стадий детского возраста в их временной последовательности и в их зависимости от различных условий»²⁵.

В дидактическом отношении следует особо отметить устный характер учебного процесса, отрицание учебников, а также так называемый «бригадный метод», при котором на уроке учитель опрашивал представителя учебной группы, а оценка выставлялась всей группе, наглядные экскурсии на производство, в планетарий, в музеи и т. д.

В особенности обращают на себя внимание идеи примата устной речи и отрицание нормативной грамматики: «В современной школе грамматика играет большую, но малополезную роль. Новая школа уделяет ей место лишь постольку, поскольку она может действительно служить интересным материалом для развития логической мысли»²⁶.

Но «логическая» основа речи сводилась к следующим навыкам: «Итак, во время второй половины школьного курса дети должны усвоить следующее: 1) не всякому слуху верить, а по возможности проверять; 2) не верить и себе, не спеши; 3) подумай, как найти, почему это так;

24 Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека. Петроград, 1923. С. 323–327.

25 Замский Х. С. Умственно отсталые дети: История их изучения, воспитания и обучения с древних времен до середины XX века. М., 1995. С. 324.

26 Блонский П. П. Задачи и методы новой народной школы. URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000044/st005.shtml> (дата обращения: 25.01.2019).

4) поищи, с чем это всегда связано; 5) попробуй расстроить эту связь. Материал, на котором усваиваются эти правила, – то, что жизненно заинтересовало ребёнка в его действительности»²⁷.

Это значит, что преподавание языка в его отношении к мышлению ориентируется на обыденный здравый смысл и этику, характерные для дописьменной фольклорной культуры и запечатленные в пословицах и поговорках.

И далее: «...в нашей программе мы резко обособляем подобное теоретическое изучение языка, как явления духовной культуры (отводя ему далеко не первое место), от практического усвоения точной речи благодаря выработке умения точно называть впечатления и правильно пользоваться формами речи»²⁸.

Нормативная грамматика языка представляет собой продукт последовательного развития принципов анализа и построения высказывания, объединяющих письменно-литературную традицию от Античности до нашего времени, чем создаётся единство интерпретации текста, то есть преемственность понимания культурно значимых текстов.

Теоретическое мышление – богословское, философское, научное – превосходит обыденный здравый смысл как критерий истины, что представляется одним из величайших достижений культуры. Поэтому ограничение школьного предмета «естественной грамматикой», характерное для многих лингвистов того времени, но в особенности для педологов типа П. П. Блонского, приводило к крайнему упрощению того, что называется «языковым мышлением», «логикой речи». Между тем политическое, научное, техническое, индустриальное развитие страны требовало введения жёстких грамматических, лексико-семантических, орфографических, пунктуационных и орфоэпических норм, а от выпускника школы, по крайней мере, готовности к пониманию документально-деловой речи и к теоретическому мышлению.

5. «Новое учение о языке». Наиболее полным выражением философии языка, лежавшей в основе дидактики языка и словесности, было «Новое учение о языке» акад. Н. Я. Марра. Следует отметить, однако, что политическое руководство страны официально не объявляло «Новое учение о языке» составляющей марксистско-ленинского учения, оставаясь как бы в стороне от острой научной и идеологической полемики.

27 Блонский П. П. Задачи и методы новой народной школы.

28 Там же.

В основе «Нового учения о языке» лежало представление о языке как явлении надстройки над производственно-экономическим базисом.

Для «Нового учения о языке» характерно отвержение сравнительно-исторического языкознания, в первую очередь как строгого научного метода, применение которого предполагает разработанную исследовательскую методику и верификацию конкретного вывода. Так, И. И. Мещанинов, продолжатель и систематизатор концепции Н. Я. Марра, следующим образом начинает свой курс общего языкознания: «Задачей настоящего курса является изложения языкового материала, стадиальной схемы развития речи, то есть той, которая *должна заменить собою классификационные построения, воздвигнутые по принципу праязыкового деления* (курсив наш – А. В.)»²⁹. В этой фразе постулируется новая парадигма – «стадиальная схема развития речи», которая не продолжает, но отвергает и заменяет собой сложившуюся теоретическую базу научного знания.

По мысли Н. Я. Марра, язык возникает в первобытном обществе как «линейный или изобразительный язык, язык жестов», своего рода реализация «трудового процесса», на основе которого и образуется «звуковой язык». Развитие языка мыслилось Н. Я. Марром как процесс становления мышления. Первоначально высказывание было выражением нерасчленённой мысли. Постепенно в нём выделяется имя и нечленораздельный комплекс, затем по мере развития трудовых процессов выделяются другие категории слов: прилагательных, местоимений, союзов, глаголов³⁰.

Картина развития языкового материала мыслилась следующим образом:

«Теперь, после 1924 года, смена языковых составов получает своё оправдание в стадиальной периодизации. Отпадает понятие субстрата, заменяемое стадиальным же, но предшествующим состоянием, на основе которого ломкою языкового строя воздвигается качественно новое языковое образование, связанное с предшествующим преемственными нитями перерабатываемых архаизмов. Тем самым лингвистический анализ из статического становится динамическим»³¹.

Здесь, как представляется, существенны не столько соображения типологической стадиальности, связанные с пониманием языка как явления «надстройки», сколько утверждение «резких

29 Мещанинов И. И. Новое учение о языке. Л., 1936. С. 20.

30 Там же. С. 33–40.

31 Там же. С. 21.

трансформационных скачкообразных сдвигов» в языковом мышлении, обращённое уже к современности, то есть к необходимости уже сознательной перестройки современного языка в условиях новой социально-экономической формации.

Вместе с тем отвергается и сам по себе «языковой субстрат», связанный с этносом и исторической традицией этнической культуры:

«...исторические переселения разъясняются в порядке социальных явлений, протекающих не массово без дифференциации, как предполагалось раньше, а с отбором – в путях классовой организации»³².

Тем самым отвергается культура как таковая, всегда предполагающая историческую преемственность общества как носителя конкретного языка.

Не случайно поэтому Н. Я. Марр предпочитает «семантический» подход к языковому материалу – «анализ функциональной семантики, то есть значимости слова по выполняемой функции им обозначаемых предметов и перехода названия от предмета к предмету по роли, выполняемой им в производственном процессе (собака – олень – лошадь и т. д.)»³³. Такой анализ, естественно, позволяет сравнивать всё что угодно со всем чем угодно.

В целом философия языка марризма может быть охарактеризована следующим образом:

- В области эпистемологии марризм отрицает строгие методы научного исследования языка – сравнительно-историческое языкознание и формирующийся в это время структурализм. Это отрицание «буржуазной науки» открывает возможность произвольных построений, интерпретирующих реальные или вымышленные факты.
- В области культуры марризм отрицает историко-культурные единство и преемственность языка и общества и представляет язык в виде агломерата лексико-семантических и грамматических средств, связывая строй языка с надстройкой, которая в свою очередь является продуктом производительных сил и производственных отношений и тем самым оказывается не имманентным, но внешним фактором, определяющим строй языка и культуры целом.

32 Там же. С. 20.

33 Там же. С. 33–40.

- В области историософии марризм утверждает смешанный характер всех языков и стадиальность глоттогенеза, определяемую характером «базиса общества», что означает фактическое отрицание истории, поскольку историческая наука всегда опирается на конкретные факты исторической преемственности определённого общества, не «рабовладельческого» или «феодалного» вообще, но древнегреческого, римского, немецкого, китайского или русского.
- В области этики речи марризм выдвигает на первый план прогностическую и конструктивную составляющие языка, что позволяет произвольно формировать нормы языка (например, в виде системы письма – «аналитического алфавита» для абхазского языка).

Однако у этой революционной философии языка были, как представляется, и положительные особенности, к числу которых можно отнести идею не только дивергентного, но и конвергентного развития языков, что, впрочем, характерно и для взглядов Н. С. Трубецкого³⁴, а также идею технического конструирования системы языка и словесности. Последняя и была реализована в создании языков и письменностей народов Советского Союза.

6. *Словесность: поэтика, риторика, живая речь.* В философии языка 20-х годов выделяются учение о языке и учение о словесности и речевых отношениях в обществе.

Центром философии слова 20-х годов, что на первый взгляд может показаться странным, лежит поэзия как словесное творчество. Однако в представлении социологической поэтики эстетический аспект поэзии, включая рифму, стихотворный размер, эстетически значимую образность, должен быть устранён: «...пролетарий, в противоположность буржуазии, не имеет своей эстетической традиции с её богатым художественным материалом»³⁵. Пролетарская поэзия является средством идеологического воздействия, производством, организующим психику масс: «...без самостоятельной производственной работы над литературным материалом (язык, сюжетное построение), без изучения и экспериментирования над ним, без разрыва с канонизированными приёмами искусства, – невозможно никакое использование художественного

34 Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // Н. С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 45.

35 Арватов Б. И. Социологическая поэтика. М., 1928. С. 91.

творчества в плане современного идеологического воздействия. Форма – это не механическое средство, – форма организует психику по всем направлениям, и забывать о ней, это значит стать её рабом»³⁶.

Значительное место в философии языка этого времени занимала теория «живого слова» – устной, в особенности устно-письменной, речи – сценической, ораторской, учебной. Усилиями ряда филологов, литераторов, педагогов и психологов в 1918 году были созданы Институт живого слова и Государственный экспериментальный театр, деятельность которых была связана с особенностями декламации художественных произведений авторами и артистами, ораторской речи, исследованием и преподаванием искусства декламации стихов и прозы, ораторской речи, выступлений по радио, исполнения драматургических произведений.

Это изучение устной речи было ориентировано на развитие общей культуры речи, индивидуальной творческой интерпретации литературных произведений, развитие творческих способностей читателя, проявлявшихся в индивидуальном стиле декламации, и творческого мышления политика, пропагандиста, развивавшихся в импровизированной публичной устной речи, но также в становлении современных произносительных норм литературного языка³⁷.

Существенной особенностью философии языка этого периода было внимание к деловой речи и ораторскому искусству как предмету преподавания в школе.

Так, в журнале «Революция и язык», издававшемся Наркомпросом, обращает на себя внимание статья «Принципы рационализации делового языка». В статье утверждается необходимость целенаправленного планирования делового языка: «Рационализация делового языка есть сознательное его регулирование на основе познания объективных законов его развития – регулирование, являющееся одним из участков классовой борьбы, подавляющее классово враждебные струи и тенденции в развитии языка и содействующие развитию исторически прогрессивных (т. е. пролетарских) тенденций»³⁸. Конкретное содержание рационализации автор видит в целесообразности как понятности и точности выражения, построении норм, отражающих реальное словоупотребление, формирование нормативных словарей, в особенности

36 Там же. С. 100.

37 Шервинский С. Художественное чтение. М., 1935. С. 15–51.

38 М. Г. Принципы рационализации делового языка // Революция и язык. М., 1931. № 1. С. 43.

терминологических, синтаксиса, формуляра текста, а в части публичной речи – политической и научно-технической речи.

В это же время, например в работах В. А. Гофмана, развиваются и обосновываются идеи разработки и преподавания риторики: «Учёные-филологи и критики-дилетанты, отягощённые предрассудками рутины, предпочитали исключительно заниматься – когда дело идёт о творчестве – литературно-художественным словом. Но, занимаясь “изящной словесностью”, они вращаются на холостом ходу в замкнутом кругу вопросов, плодотворная постановка которых уже сама по себе требует привлечения новых гипотез и разработки новых проблем на материале всего речевого процесса как единого целого. Эти “пророки, предсказывающие назад” и всегда опаздывающие к поезду истории, – оказались не в состоянии понять социально-историческую диалектику в развитии речевых формаций и жанров. Историческое слово подменили словом музейным. Изучением музейной функции слова подменялось изучение его социальной природы. Когда же обращались к газетной или ораторской речи, то не шли далее догматической рецептуры приёмов “хорошего тона” и поверхностных рассуждений по поводу»³⁹.

Философия языка 20-х годов во всех её аспектах определяется развитием массовой коммуникации как «коллективного пропагандиста» и «коллективного агитатора», задачей создания единого цивилизационного пространства и индустриализацией экономики, естественнонаучным материализмом с редукционистской рефлексологической концепцией В. М. Бехтерева и педологической методологией образования.

Значимыми для современности представляются следующие стороны философии языка 20-х – начала 30-х годов XX века.

- 1) Формирование модели образования, ориентированной на задачи развития общества.
- 2) Выход за пределы собственно русского языка и культуры, целенаправленное формирование единого образовательного и культурного пространства Евразии.
- 3) Включение в философию языка более полного представления словесности: преподавание деловой речи в широком смысле и соответствующая модификация представлений о составе русского литературного языка.

39 Гофман В. А. Слово оратора: риторика и политика. М., 2010. С. 7–8.

- 4) Учёт фактов массовой информации при построении системы образования.
- 5) Построение ориентированных на развитие общества норм литературного языка и практической речевой деятельности.
- 6) Использование естественнонаучных методов изучения человека в качестве *вспомогательных* при построении педагогической теории.

В начале 30-х годов идеи педологии резко критиковались Н. И. Бухариным, Н. К. Крупской, А. В. Луначарским, стремившимися перевести педологию в рамки марксистско-ленинской методологии и подчинить её педагогике как *гуманитарной дисциплине*.

Но кардинальное изменение доктрины образования произошло в середине 30-х годов и было связано с утверждением новой идеологии построения социализма в «отдельно взятой стране» и, соответственно, *советского патриотизма и интернационализма*.

Реформа системы образования осуществлялась по инициативе и под непосредственным руководством И. В. Сталина⁴⁰ и началась с курса истории: «Ещё 20 марта (1934 года – А.В.) ПБ утвердило внесённое от имени наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова, заведующего культпропом А. И. Стецкого и его заместителя Н. Н. Рабичева, то есть тех, кто в своей деятельности являлся подконтрольным Жданову, несомненно программное предложение. “Считать необходимым, – указывалось в нём, – создание к июлю 1935 г. следующих учебников: 1) История древнего мира, 2) История средних веков, 3) Новая история, 4) История СССР, 5) Новая история зависимых и колониальных народов”»⁴¹.

Это представление учебного курса истории не случайно:

- во-первых, оно объединяет исторический процесс на всём пространстве Советского Союза, то есть Евразийского культурного пространства;
- во-вторых, связывает историю СССР с историей не только Западной Европы, но и с историей стран Азии и Африки, и вместе с тем помещает её в контекст истории античной, средневековой и Нового времени;

40 16 мая 1936 г. создан исторический, 23 июля 1938 г. – географический, 23 июля 1938 г. – геологический факультеты МГУ; 20 декабря 1941 г. создан экономический факультет МГУ; 25 декабря 1941 г. воссозданы филологический и философский факультеты МГУ.

41 Жуков Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2010. С. 67–69.

- в-третьих, устраняет характерную для дореволюционной школы националистическую ориентацию курса русской словесности: «Нам нужен такой учебник истории СССР, чтобы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР... и чтобы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории». <...> Не трудно заметить, что самым важным для первого отзыва стало использование непривычного тогда понятия «народ» вместо непреложного «класс»⁴².

Приоритет курса истории представляется вполне логичным и в отношении к преподаванию языка и словесности: как выстроен курс истории, так выстраивается и курс литературы, в котором через состав изучаемых произведений и их истолкование интерпретируются факты истории.

Изменилась система школьного образования: «Её подвергли не очень значительным изменениям: увеличили общий срок обучения с девяти до десяти лет; нулевую группу для восьмилетних детей заменили подготовительным классом для семилетних; четырёхклассную «школу первой ступени» просто переименовали в начальную. «Вторую ступень», прежде складывавшуюся из трёхклассного «1-го центра» и двухклассного «2-го центра», преобразовали в неполную и полную среднюю школу соответственно с семью и десятью годами обучения. Кроме того, в школьную программу в качестве обязательных предметов ввели ранее отсутствовавшие историю и географию»⁴³.

На самом деле изменение было весьма значительным, поскольку была создана иерархия школьного предмета. Системообразующей становится именно гуманитарная наука, поскольку задача общего образования состоит теперь в формировании «нового человека», всесторонне образованного строителя социализма, освоившего «лучшие достижения мировой культуры».

Идеологической основой преподавания словесности (как и всего художественного творчества) становится социалистический реализм:

«Социалистический реализм – это метод искусства, воспитывающего социалистическое сознание человека, он борется с пережитками капитализма в сознании людей. Это метод социалистически устремлённого искусства. Это метод, позволяющий создать полноценные образы освобождённой человеческой личности, подлинно героические характеры»⁴⁴.

42 Там же. С. 72–73.

43 Там же. С. 68.

44 Тимофеев Л. И. Стих и проза. М., 1938. С. 34.

В этом определении существенно, что предметом образования становится не «творчество масс», а *формирование личности*.

Предмет русского языка и литературы этого времени фактически воспроизводит дореволюционную систему: словесность ограничена художественной литературой в основном конца XVIII–XIX веков. Из курса устраняются такие авторы, как А. К. Толстой, изменяется и состав изучаемых произведений, как, разумеется, и мировоззренческая их интерпретация. Но следует подчеркнуть, что сами по себе образы персонажей изучаемых произведений представлены в соответствии с учебником В. Ф. Саводника.

Методология преподавания литературы, однако, дополняется существенным моментом, характерным именно для концепции социалистического реализма: художественный «вымысел для писателя является средством обобщения»⁴⁵. Это значит, что художественная литература со свойственным ей образным мышлением представляется как инструмент познания действительности и тем самым фактически ставится на один уровень с научной или философской абстракцией, сохраняя тем самым софистический характер средств убеждения читателя.

Различие с дореволюционной программой состояло также в преподавании материала литератур народов СССР.

Что же касается философии языка, И. В. Сталин добрался до неё лишь к 1950 году, когда была открыта «свободная дискуссия о языке». Не останавливаясь на разборе этой дискуссии, следует отметить отказ от идей классовости языка, единого глоттогонического процесса и возвращение к представлению сравнительно-исторического языкознания второй половины XIX века об эволюционном изменении языка, к структуралистской модели языка, но с сохранением, впрочем аккуратным, положения о классовом характере литературы: «Надстройка – это политические, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»⁴⁶. *Взгляды, а не произведения*. Поэтому на Пушкина могут быть разные взгляды, а сами по себе искусство, религия, философия как будто остаются.

Во второй половине 80-х годов стало очевидным несоответствие системы образования, в особенности среднего, задачам времени. В мире произошла информационная революция, когда с развитием информационных технологий системы массовой коммуникации, которые включают в себя массовую информацию в виде газет, радио,

45 Там же. С. 22.

46 Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 5.

телевидения, массовую информатику в виде поисковых и переводящих информационных систем (формировавшегося Интернета), массовую рекламу, распространяются за пределы национальных государств и приобретают глобальный характер. С этим было связано и наше отставание в разработке и применении массовых компьютерных технологий, главным образом по причинам идеологического характера⁴⁷ и недостаточности интеллектуальных ресурсов у руководства страны.

Текущая реформа образования, в значительной мере воспроизводящая идеи реформы образования 20-х годов, несовместимой с образовательной традицией русской культуры, привела к разрушению образовательной системы на всех её уровнях.

При разрушении системы образования утрачивается связь поколений, а новое поколение превращается из организованной составляющей общества в неупорядоченные массы, поведение которых, в соответствии с идеей В. М. Бехтерева, представляет собой реакции на стимулы, задаваемые массовой коммуникацией. При этом какая-либо упорядоченная религиозная, общественно-политическая, научно-техническая, художественная, экономическая созидательная деятельность становится невозможной. Следовательно, дальнейшее существование общества как культурного целого, как и перспектива его государственно-политического и физического существования, представляются сомнительными.

Реформа образования подвергается решительной и обоснованной критике со стороны православной, патриотической общественности и специалистов. Но эта критика, по существу, выдвигает идею восстановления потепнианско-сталинской системы преподавания словесности. Для своего времени – 30–60-х годов прошлого века – она была продуктивна, так как давала хорошие знания русской литературы и норм языка и формировала нравственность, художественный вкус и романтический пафос молодёжи.

Информационная среда, в которой работала советская средняя и высшая школа, и в особенности массовая коммуникация, с конца 30-х годов жёстко контролировалась властью. Художественная литература интерпретировалась как средство воспитания и формирования мировоззрения и приобретала тем самым качества «чисто риторического жанра», сохраняя «иллюзию поэтичности»⁴⁸.

47 *Рождественский Ю. В.* Философия языка и учебный предмет. Культуроведение и дидактика. (Современные проблемы науки о языке). М., 2017. С. 12 – 34.

48 *Виноградов В. В.* О художественной прозе. С. 118.

В условиях современного информационного общества, когда идеология массовой коммуникации характеризуется мировоззренческим плюрализмом, а сознание её потребителя – мозаичностью, примитивностью речи и мышления и потребительскими устремлениями, преподавание русского языка и словесности по советской модели, как бы ни перестраивать её мировоззренческое содержание, не сможет дать желаемого результата.

Современная ситуация характеризуется формированием информационного общества, в котором ведущее положение занимает Интернет – поисковая система с диалогической организацией коммуникаций и скрытым управлением.

Интернет несёт главным образом вторичную информацию, т. е. информацию об информации, которая в явном и неявном виде является произвольной и политически ангажированной интерпретацией первичной информации;

В Интернете отсутствует единый рубрикатор информации, что создаёт мозаичную картину мира и, как следствие, *мозаичное сознание пользователя*.

Информация в Интернете и традиционных средствах массовой коммуникации представлена различными мировоззренческими системами, подчинёнными главным образом задачам рекламы.

Массовая реклама формирует потребительские и гедонистические представления о мире и человеке, причём тип мировоззренческой позиции источника информации определяется характером и товарной стоимостью рекламируемого продукта.

В силу глобального характера информирования в Интернете создаются глобалистские представления массового пользователя, которые противостоят любому религиозному сознанию и патриотическому мировоззрению и направлены на разрушение крупных межнациональных государственных образований.

Интернет в целом и массовая реклама в особенности представляют различные конкурирующие политические, идеологические и финансовые группировки, поэтому в сетях происходит постоянная борьба различных группировок, провоцирующая терроризм, массовые противозаконные выступления и государственные перевороты.

Диалогический характер сетей Интернета допускает практически полную свободу выражения мнения, что означает недостаточную подготовку массового пользователя Интернета к критической компетентной оценке материалов, размывание представлений о достоверности

публичных высказываний и повышает эффективность манипуляции общественным сознанием.

Средствами массовой коммуникации формируется определённый тип мировоззрения человека-потребителя, который характеризуется отсутствием систематической картины мира и человека, стяжательностью, соревновательностью, равнодушием к добру и злу, провинциальным сознанием, эгоизмом.

В настоящее время патриотизм можно определить как реализацию личной ответственности гражданина за единство, безопасность, культурное наследие и поступательное развитие России.

Задача общего образования – освоение культуры страны. Культура страны включает в себя и объединяет различные культурные образования: культуры народов, культуры территорий, культуры профессий, культуры землячеств, культуры анклавов, культуры поколений⁴⁹, каждая из которых характеризуется своими особенностями, идеологией, разнонаправленными устремлениями, всегда создающими напряжения в обществе и часто приводящими к конфликтам. Гармонизация этих запросов и устремлений с позиций единой культурной традиции общества и предстаёт как мировоззрение патриотизма.

Язык является не просто составляющей, но основой культуры. С освоения членораздельной речи начинается социализация ребёнка: формируется способность образного и понятийного мышления, картина мира, способность ориентации в социальной среде. Уровень освоения языка в течение всей жизни человека определяет возможности и направление его деятельности. Поскольку факты культуры именуются словами, вся совокупность освоенной культуры представлена и организована тезаурусом – системой именованных объектов и их классов. Главным предметом школьной программы является язык образования – русский язык, поскольку все предметы представляют собой изучение русского языка в том или ином его аспекте.

Действительно, преподавание математики, физики, биологии, географии, истории основано на усвоении учащимися понятийной базы наук, то есть общенаучной и терминологической лексики, синтаксических моделей, позволяющих понимать и строить сложные письменные и устные высказывания.

Но все эти частные языковые нормы построены на основе общих норм русского литературного языка. Поэтому лишь при условии освоения учащимися орфоэпических, лексических, морфологических,

49 Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики. С. 20–50.

словообразовательных, синтаксических, орфографических и пунктуационных норм общелитературного языка возможно успешное преподавание всех остальных дисциплин, включая иностранные языки.

Исторический опыт преподавания словесности в России позволяет, как представляется, сделать следующие выводы.

Начиная с середины XIX века система образования характеризуется неполнотой представления культуры языка – основы общего образования. Полное представление культуры языка включает, помимо общих фонетических, грамматических, лексических и стилистических, герменевтические нормы анализа и оценки произведений основных видов словесности и риторические нормы устной и письменной речи. Исключение из учебной программы богословских, философских, научных, исторических произведений и деловой речи, по существу дела, представляло собой акт вандализма, так как ограничивало доступ новых поколений к культурному наследию. Это приводило к некомпетентности общества и, следовательно, его неспособности противостоять вызовам времени.

Смена идеологической парадигмы и формирование нового исторического стиля предполагает включение в школьную программу словесности предмета риторики, содержащего три необходимых компонента: учение об этике речи, учение о построении целесообразного публичного высказывания, учение о получателе высказывания как главном участнике процесса общения.

В современных условиях доминирования массовой коммуникации, информационной перегрузки, мировоззренческого плюрализма, свободы выражения любых мнений независимо от их компетентности выпускник школы должен иметь возможность самостоятельной и обоснованной оценки публичных высказываний, а общество должно быть защищено от манипулирования словом в средствах массовой информации.

Библиография

- Алпатов В. М.* Языковеды, востоковеды, историки. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Аннушкин В. А.* История русской риторики. Хрестоматия: учебное пособие. М.: Флинта – Наука, 2002.
- Арватов Б. И.* Социологическая поэтика. М.: Федерация, 1928.
- Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
- Бехтерев В. М.* Общие основы рефлексологии человека. Петроград: Гос. издат., 1923.
- Блонский П. П.* Задачи и методы новой народной школы. [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000044/st005.shtml> (дата обращения: 25.01.2019).
- Буслаев Ф.* Учебник русской грамматики, сближенной с церковно-славянской, с приложением образцов грамматического разбора. Для средних учебных заведений. 10-е изд., испр. и доп. М.: Синодальная типография, 1907.
- Виноградов В. В.* О художественной прозе. (1930) // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
- Волков А. А.* Грамматология. М.: Издат. Московского университета, 1982.
- Гофман В. А.* Слово оратора: риторика и политика (1931). М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Замский Х. С.* Умственно отсталые дети: История их изучения, воспитания и обучения с древних времён до середины XX века. М.: НПО «Образование», 1995.
- Жуков Ю. Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Издательский центр «Аква-Терм», 2010.
- Кошанский Н. Ф.* Риторика. М: Русская панорама, Кафедра, 2013.
- Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Ячменев Ю. В.* Константин Алексеевич Неволин (1806–1855) // Неволин К. А. Энциклопедия законовещения. История философии законодательства. СПб: Издательство С.-Петербургского государственного университета, 1997.
- М. Г.* Принципы рационализации делового языка // Революция и язык. М.: ОГИЗ, 1931. № 1.
- Мещанинов И. И.* Новое учение о языке. Л.: Соцгиз, 1936.
- Покровский В. И.* Сокращённая историческая хрестоматия: пособие для учеников старших классов среднеучебных заведений. 2-е изд., доп. М., 1911. Допущена (в 1-м издании) Учёным Ком. Мин. Нар. Просв. для ученических библиотек всех средних учебных заведений.
- Потебня А. А.* Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
- Потебня А. А.* Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
- Потебня А. А.* Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990.
- Рождественский Ю. В.* Введение в культуроведение. М.: ЧеРо, 1996.
- Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. М.: Флинта – Наука, 2005.
- Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М.: Флинта – Наука, 2015.

- Рождественский Ю. В.* Философия языка и учебный предмет. Культуроведение и дидактика. (Современные проблемы науки о языке). М.: КДУ, Университетская книга, 2017.
- Саводник В. Ф.* Очерки истории русской литературы XIX века. 9-е изд. М., 1915. Ч. 1.
- Саводник В. Ф.* Краткий курс истории русской словесности с древнейших времен до конца XVIII века. 5-е изд. М., 1917.
- Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1950.
- Тимофеев Л. И.* Стих и проза. М.: Советский писатель, 1938.
- Трубецкой Н. С.* Мысли об индоевропейской проблеме // Н. С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987.
- Христофорова Н. В.* Российские гимназии XVIII–XX веков. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2002.
- Шервинский С.* Художественное чтение. М.: Гослитиздат, 1935.